

РУССКО- КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В XVII ВЕКЕ

том 1

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ДАЛЬНОГО ВОСТОКА

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ГЛАВНОЕ АРХИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
АРХИВ ДРЕВНИХ АКТОВ

РУССКО-
КИТАЙСКИЕ
ОТНОШЕНИЯ
В XVII ВЕКЕ

Материалы и документы

В двух томах

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» МОСКВА 1969

РУССКО-
КИТАЙСКИЕ
ОТНОШЕНИЯ
В XVII ВЕКЕ

том 1

2

1608 * 1683

Составление и обработка текста

Н. Ф. Демидова, В. С. Мясников

Комментарии и историческое введение

В. С. Мясников

Археографическое введение

Н. Ф. Демидова

Ответственный редактор

член-корреспондент АН СССР

С. Л. Тихвинский

Редактор

доктор исторических наук

Л. И. Думан

СТАНОВЛЕНИЕ СВЯЗЕЙ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА С КИТАЕМ

История русско-китайских отношений охватывает около трех столетий. Их начало относится к первому десятилетию XVII в., хотя какие-то отрывочные сведения о Китае доходили до Руси еще в XIII в., в период монгольского завоевания, а также поступали в XV—XVI вв. как от среднеазиатских купцов, так и от европейских географов. Но лишь в XVII в. русские как бы открывают Китай в географическом, политическом и экономическом отношениях, ибо именно в это время происходит сближение границ двух государств.

XVII век знаменует собой начало нового периода в русской истории. С ростом производительных сил ремесло достигло в русском государстве уровня мелкого товарного производства, а в некоторых случаях появились крупные предприятия мануфактурного типа. Рост товарности сельского хозяйства способствует образованию и расширению рыночных связей. Начинается процесс образования всероссийского рынка. Этот процесс, по словам В. И. Ленина, «характеризуется действительно фактическим слиянием всех таких (разрозненных, феодальных. — В. М.) областей, земель и княжеств в одно целое. Слияние это вызвано было... усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок»¹. Продолжался и процесс развития Русского государства как многонационального. В XVII в. осуществилось воссоединение Украины с Россией, огромную роль сыграло присоединение и заселение колоссальных просторов Сибири.

В области внешней политики Русское государство с большим размахом, последовательно и настойчиво стремилось разрешить стоявшие перед ним задачи: укрепление западных границ, обеспечение выхода к Балтийскому морю, борьба с Крымским ханством и Турцией, развитие торговли со странами Востока. Новым элементом во внешней политике Русского государства по сравнению с XVI в. является расширение старых и установление новых связей с государствами Средней Азии, Монголией и Китаем, что было следствием быстрого движения русских на восток через необъятные пространства Сибири.

Внутренняя и внешняя политика Русского государства в первые десятилетия XVII в. и в последующие имеет существенные различия. Конец XVI — начало XVII столетий отмечены крупными потрясениями

¹ В. И. Ленин, *Что такое «срубка народа» и как они воюют против социал-демократов?* — Полное собрание сочинений, т. I, стр. 153—154.

во всех областях экономической и политической жизни страны, связанными с польско-шведской интервенцией и крестьянской войной. Успешное завершение борьбы за освобождение от иноземных захватчиков сопровождалось постепенным восстановлением и расцветом экономики, а также укреплением международного значения Русского государства.

В истории Китая этого периода серьезный внутренний кризис совпал с возрастанием внешней опасности — вторжением маньчжурских захватчиков.

В конце XVI — первой половине XVII вв. в Китае продолжала править китайская династия Мин (1368—1644), пришедшая к власти, в результате освободительной борьбы китайского народа с монгольским завоеванием. В стране происходила концентрация земель в руках феодалов, массовое обнищание крестьянства, появляется наемный труд во владениях крупных собственников, при существовании сельских общин, в которых земледелие сочеталось с домашней промышленностью.

К этому времени производство достигло заметного расцвета. В ряде отраслей, как, например, в производстве хлопчатобумажных и шелковых тканей, фарфоровой промышленности, существовали крупные государственные предприятия, а также частные мануфактуры с использованием труда наемных рабочих.

Рост ремесла и увеличение товарности сельского хозяйства способствовали увеличению роста городов, как центров промышленности и торговли. Купцы совершали крупные обороты на внутреннем рынке. Однако процветавшая ранее внешняя торговля со странами Южных морей к концу правления династии Мин резко сократилась, ввиду вторжения в этот район европейцев — португальских, испанских, а несколько позже голландских и английских купцов.

Еще в начале XVI в. (в 1516 г.) Китай впервые столкнулся с западноевропейскими колонизаторами, которые попытались обосноваться на южном побережье страны. В конце XVI — начале XVII в. испанский и голландский флот совершал нападения на прибрежные острова Китая. Католические миссионеры, проникшие в Китай, наряду с пропагандой христианства, усердно занялись и сбором разнообразной информации о «Поднебесной империи».

Грозная опасность надвигалась на Китай с северо-востока, где к концу XVI в. усилились маньчжуры — народность чжурчжэньского происхождения.

Объединенные ханом Нурхаци (1575—1626), они с 1609 г. перестали платить дань Минской империи, а в 1616 г. Нурхаци в знак приемственности с чжурчжэньским государством провозгласил себя императором династии Цзинь. Его сын Абахай (1626—1644) овладел Ляодуном, перенес столицу в Мукдеи (Шэньян) и назвал свою династию Цин. В эти годы маньчжуры, ведя непрерывные войны, распространили свое владычество на значительную часть Монголии, нанесли удар по Корее.

Жестокое угнетение народных масс феодально-бюрократической верхушкой вызвало мощный подъем антифеодального движения в Китае, перешедшего затем в крестьянскую войну. Восстание началось в 1626 г. в Шэньси. С переменным успехом оно длилось почти двадцать лет, в 1644 г. повстанцы под водительством Ли Цзы-чэна взяли Пекин и свергли Минскую династию. Тогда китайские феодалы вступили в сговор с маньчжурами и открыли фронт маньчжурским войскам, стоявшим у Великой китайской стены. Маньчжурские армии вторглись в страну. Абахай перенес столицу в поверженный Пекин. Китай попал

под иго чужеземной маньчжурской династии, его национальная государственность была, по сути, уничтожена. Почти вся вторая половина XVII в. проходит в непрерывной борьбе китайского народа против маньчжурских завоевателей, которым лишь в 80-х годах удалось подавить сопротивление на юге страны.

Исходя из династических интересов феодальной маньчжурской верхушки и во имя удовлетворения appetитов китайских феодалов, Цинская династия осуществляет захватническую политику, жертвами которой, помимо Китая, становятся и ряд других сопредельных государств.

* * *

В момент установления взаимоотношений Русского государства с Китаем в начале XVII в. между ними пролегали огромные пространства, заселенные кочевыми и полукочевыми народами. В Москве не имели почти никакого представления о громадных территориях, лежащих между восточными границами Русского государства и Минской империей. Отсутствие точных сведений породило ошибочное представление о том, что Китай расположен где-то близ истоков реки Оби, дорога туда предполагалась более короткой, чем она была на самом деле.

В результате присоединения и заселения русскими огромных пространств Сибири, где к началу XVII в. был создан ряд укрепленных поселений, русские землепроходцы начинают исследовать местности к югу и юго-востоку от русских форпостов в Сибири — Тобольска и Томска, пытаясь разведать пути в Монголию и Китай. Отправление в 1608 г. по указу царя Василия Шуйского группы томских казаков во главе с И. Белоголовым на поиски Алтын-царя и Китайского государства явилось первым шагом русского правительства на этом пути. Хотя экспедиция закончилась безрезультатно, так как война ойратов с Алтын-ханом Западной Монголии Шолоем Убаши-хунтайджи помешала русским посланцам достичь района его кочевий, но казаки все же привезли некоторые сведения о Китае, полученные от енисейских киргизов².

В этот период английская дипломатия пыталась добиться от московского правительства разрешения на организацию сухопутной английской экспедиции в верховья Оби, где по представлениям европейских географов находился Китай, и права транзитной торговли английских купцов через Сибирь со странами Востока. В Москве и Лондоне все чаще обсуждался вопрос о поисках путей в Китай через новые русские владения³.

Дипломатический нажим, оказанный англичанами на русское правительство в 1615—1617 гг., совпал с отправлением тобольским воеводой И. С. Куракиным посольств Т. Петрова к калмыкам и В. Тюменца в Западную Монголию. Сведения, привезенные ими, показали, что пределы Китая вполне достижимы для казачьих экспедиций. Алтын-хан Западной Монголии Шолой Убаши-хунтайджи дал обещание пропустить через свою территорию русские посольства в Китай⁴.

В этот момент представители английской Московской компании вновь попытались получить разрешение на организацию английской

² См. док. № 1.

³ См. док. № 2.

⁴ См. док. № 5, 7—9.

экспедиции для поисков дороги в Китай через Сибирь⁵. Но русское правительство решительно отклонило эти домогательства как несовместимые с интересами русской торговли на Востоке и дало указание тобольскому воеводе отправить русскую экспедицию для того, чтобы узнать путь из сибирских городов в Китай и выяснить, как богато и велико Китайское государство.

Таким образом, отправление первой русской миссии в Китай было стимулировано стремлением русского правительства оградить интересы отечественной коммерции и не допустить транзитной торговли иностранцев со странами Востока, и в частности с Китаем, через территорию Русского государства. Непосредственной причиной, вызвавшей организацию поездки такого рода, явился нажим английской дипломатии на царское правительство. Успешное развитие русско-монгольских связей обеспечило реальную возможность проезда русских через Западную Монголию в минский Китай.

Выехав 9 мая 1618 г. из Томска, группа казаков во главе с Иваном Петлиным 1 сентября того же года была уже в Пекине, где она пробыла всего 4 дня⁶. Китайское правительство в силу традиционных взглядов восприняло первое посольство из Русского государства не как посольство от равного государства, а как привоз «дани» пекинскому двору. Поскольку никакой «дани» у казаков с собой не было, они не попали к императору Чжу И-цзюню (девиз годов правления Ваньли, 1573—1620), но получили составленную от его имени грамоту, разрешавшую русским приходить с посольствами и торговать в Китае⁷.

Так в первой четверти XVII в. между Русским государством и Минской империей были установлены первые контакты. Но грамота, привезенная И. Петлиным в Москву, осталась непрочтенной из-за незнания языка, а правительство Михаила Федоровича проявило известную осторожность в развитии связей с далеким Китаем в период, когда Русское государство, разоренное долгими годами внутреннего кризиса и польско-шведской интервенции, не имело еще достаточно сил и средств для расширения торговли с Востоком. Поэтому миссия в Пекин И. Петлина, увенчавшая блестящими географическими открытиями длительный период поисков северного пути из Европы в Китай, завершила первый этап в становлении ранних русско-китайских связей, не ставших регулярными, поскольку в тот период они стимулировались скорее внешними факторами, чем внутренней необходимостью.

Однако пути, открытые в результате поездок В. Тюменца и И. Петлина, манили новых землепроходцев. Информация, доставлявшаяся в Москву монгольскими посольствами, все сильнее разжигала интерес русских к Китаю и соседним с ним странам. Уже в 1635 г. томский сын боярский Лука Васильев и казак Семен Щепеткин подали челобитную в Посольский приказ с просьбой разрешить им поездку в Китай⁸. Но на сей раз русское правительство не решилось направить в Китай экспедицию, подобную экспедиции И. Петлина.

В 1641—1642 гг. с торговым караваном торгоутского тайши Дайчина в минском Китае побывал тарский конный казак Емельян Вершинин, не только успешно торговавший в городе Синине, но и доставивший русскому царю еще одну грамоту от имени минского импера-

⁵ См. док. № 3.

⁶ См. Н. Ф. Демидова, В. С. Мясников, *Первые русские дипломаты в Китае («Роспись» И. Петлина и статейный список Ф. И. Байкова)*, М., 1966 и док. № 26, 28—29 настоящего сборника.

⁷ См. док. № 24.

⁸ См. док. № 39.

тора Сы-цзуна, также открывавшую пути для развития торговых и дипломатических связей; но снова грамота не была переведена на русский язык⁹.

Лишь к началу второй половины XVII в. создаются необходимые политические и экономические предпосылки для установления официальных и регулярных взаимоотношений между Москвой и Пекином. Главную роль в этом сыграл рост могущества Русского государства, а также расширение его пределов в Восточной Сибири и присоединение к Цинской империи значительных территорий в Южной и Центральной Маньчжурии, захваченных маньчжурами в процессе борьбы с различными племенами.

В 20—30-х годах XVII в. русские овладели центральной частью Сибири и продвинулись далее на восток северным путем из Мангазеи и южным — из Томска. С основанием Енисейска в 1619 г. и Красноярска в 1628 г. бассейн Енисея оказался под контролем русских и послужил базой для дальнейшего перехода на Лену по Нижней Тунгуске и Вилюйскому волоку, с одной стороны, и по Ангаре, Илим и волоком до р. Куты — с другой. В 1632 г. был основан Якутск, который после учреждения в нем воеводства стал административным центром обширной территории в Восточной Сибири. В результате морских экспедиций И. Перфильева (1633), Ивана Петрова (1633), Елисея Бузы (1636) и открытия Семеном Дежневым Берингова пролива (1648), русские получили представление о северных берегах восточной части Азии.

Длившееся не одно десятилетие присоединение Сибири к Русскому государству было сложным историческим процессом. Основная его цель сводилась к экономическому освоению огромного края, колонизации его как «хозяйственной территории»¹⁰, общению трудящихся масс русского населения с местными племенами, развитию здесь русскими земледелия, разведыванию природных богатств, строительству городов. Мероприятия, проводившиеся для этого правительством и местной администрацией, отвечая главным образом интересам феодального государства и его господствующей верхушки, в то же время способствовали развитию производительных сил этих удаленных от центра областей.

В 40-х годах среди землепроходцев и промышленных людей распространяются слухи о богатой Даурской земле и Амуре. Движение на Амур происходило двумя путями: с верховьев Лены на Байкал и оттуда на Шилку и из Якутска по Лене, Алдану, Учтуру на Зею. Местные жители наряду с сообщениями о Даурии доставляли казакам любопытные сведения и о Китае. Поиски путей в Приамурье являлись одновременно и поисками новых путей в Китай. Таким образом, народы Восточной Сибири явились вторым для русских (после Монголии) источником информации о Китае. Правда, эти сведения первоначально отличались от тех, что поступали через Монголию. Это объясняется тем, что вновь осваивавшиеся районы не граничили непосредственно не только с Китаем, но и с усиливавшимся маньчжурским государством Цин, о котором, в основном, и рассказывали русским жители верховьев Лены, Забайкалья и Приамурья.

Первой на Амуре побывала партия служилых людей во главе с В. Д. Поярковым. Отправившись из Якутска в июле 1643 г. «для

⁹ См. док. № 51.

¹⁰ В. И. Ленин, *К пересмотру партийной программы*, — Полное собрание сочинений, т. 34, стр. 368.

прииску вновь неясашных людей, и для серебрянной и медной и свинцовой руды, и хлеба», землепроходцы доплыли по Лене, Алдану, Голному до Зей, затем они вышли в бассейн Амура, плавали по Амуру, зимовали в его устье и, выйдя в море, добрались до устья реки Ульи, откуда вернулись в июне 1646 г. в Якутск¹¹.

В. Д. Поярков собрал точные сведения о народах нижнего и среднего течения Амура: даурах, эвенках, дючерах, натках и гиляках. Коренное население Приамурья в массе своей было независимым, вело оседлый образ жизни, занималось земледелием, охотой и рыболовством. «А натки живут по Амуру по обе стороны улусными, — читаем мы в отчете В. Д. Пояркова о походе, — а ясаку они никому не дают. А гиляками плыли до моря 2 недели же, а гиляки сидячие живут по обе стороны Амура и до моря улусами, да и на море по островам и губам живут многие ж гиляцкие люди сидячие улусами, а кормятся рыбою, ясаку они, гиляки, хану не дают»¹².

В момент появления на берегах Амура отряда В. Пояркова племена Приамурья фактически не имели ни политических, ни экономических связей с маньчжурским государством Цин. Между Приамурьем и северной границей цинских владений лежали не освоенные маньчжурами огромные труднопроходимые пространства. Кроме того, после захвата маньчжурами Пекина в 1644 г. и перенесения туда столицы из Маньчжурии в поход на южные провинции Минской империи было выведено почти все население, способное носить оружие. Уход восьмизнаменного войска, которое составляло самую значительную и богатую часть населения родовых владений Цинской династии, а также сопровождавших их семей и рабов, вызвал резкий упадок хозяйственной жизни в Маньчжурии.

В 1647—1648 гг. русские установили контакты с феодалами Северной Монголии. Енисейские служилые люди К. Иванов, а вслед за ним В. Колесников побывали у главы табунгутов Турухая-табунанга, который решил принять русское подданство¹³. Одновременно из Якутска и Енисейска направились две партии казаков во главе с И. Похабовым и Я. Кулаковым к одному из наиболее могущественных феодалов Халхи Цэцэн-хану (Шолою Далай Сэцэн-хагану). От Цэцэн-хана русские узнали о существовании двух Китаев: богдойского царства, т. е. владений захватившей уже Северный Китай Цинской династии, и Старого Китая, т. е. остатков владений минских императоров на юге страны¹⁴.

Окончательное присоединение Приамурья к русским владениям произошло в 1649—1652 гг., когда несколько казачьих партий, объединенных руководством Е. П. Хабарова, распространили на этот район власть русской администрации, обложили ясаком местные народы и, заведя здесь пашни, положили начало крестьянской колонизации края.

При снаряжении экспедиции якутский воевода П. А. Францбеков открыл Хабарову широкий кредит из казны, выдав ему в долг казенное оружие, сукна, котлы и сельскохозяйственный инвентарь для устройства пашенных поселений. Наказ воеводы предписывал Хабарову мирными средствами приводить народы Приамурья в русское подданство и укреплять власть русской администрации, подчеркивая при этом, что казаки-землепроходцы посланы «не для бою». Вместе с тем инструкции Хабарову отражали и серьезность намерений русского правительства закрепить за собой этот район. В случае отказа кого-либо

¹¹ «Дополнения к Актам историческим», т. III, СПб., 1848, № 21/I, стр. 50—56.

¹² Там же, № 12/II, стр. 57.

¹³ См. док. № 54.

¹⁴ См. док. № 55.

из даурских князьков принять русское подданство Хабарову предписывалось таких «захребетных неясачных людей ратным обычаем войною смирить» и ясак с них собирать, «чтобы казне учинить немалая прибыль»¹⁵.

Поднявшись по Олекме, Хабаров зазимовал в устье Тугира и в следующем 1650 г. вышел на Амур. Даурские городки, к которым подошли казаки, оказались полупустыми; их жители настороженно отнеслись к прибытию русского отряда¹⁶. Дауры сообщили русским о существовании «князя Богдою» — маньчжурского хана, эпизодически пытавшегося засылать в районы, прилегавшие с юга к среднему течению Амура, лазутчиков и воинских людей для захвата пленных и добычи. Тогда храбрый воевода П. А. Францбеков дал указание Хабарову привести и «князя Богдою» в русское подданство¹⁷.

К весне 1651 г. Хабаров закрепился в городке Албазине. В Якутской приказной избе решили отправить к князю Богдою посольство во главе с Т. Е. Чечигиным, чтобы предложить ему вступить в русское подданство или по крайней мере собрать о нем точные сведения. Однако русское посольство осенью 1653 г. погибло в пути.

Первая встреча русских с маньчжурами произошла после стычки казаков отряда Хабарова с даурами при Гуйгударовом городке, где в даурском лагере находилось несколько маньчжуров (богдойских людей), но они не участвовали в сражении, а лишь наблюдали за ним. Пленные дауры показали, что эти маньчжуры жили в улусе князя Гуйгудара. На следующий день после победы русских маньчжуры пришли к ним для переговоров, но незнание маньчжурского языка толмачами русского отряда затруднило взаимный обмен информацией. Маньчжуры все же объяснили Хабарову, что их царь «Шамшакан нам с вами драться не велел, наш царь Шамшакан велел с вами, с казаками, свидеться честно». Тогда Хабаров в свою очередь «тому богдойскому мужику честь воздал и подарки государевы давал и отпустил его, богдойскова мужика, честно в свою Богдойскую землю»¹⁸.

Но год спустя цинское правительство начало вооруженную борьбу за вытеснение русских из Приамурья. Для Цинов район деятельности русских был дальними подступами к их собственной староманьчжурской вотчине, поэтому вопрос об изгнании русских с Амура представлялся для нового пекинского правительства весьма важным. В марте 1652 г. Хабаров был осажден в Ачанском городке сильным маньчжурским отрядом. Против 206 казаков выступили 600 маньчжуров с 6 пушками и иным огнестрельным оружием, поддержанные полторатысячным войском, собранным из дауров и дючеров. Причем маньчжурский военачальник приказал взять русских живыми. Однако Хабаров нанес соединенному маньчжуро-даурскому отряду жестокое поражение¹⁹.

¹⁵ «Акты исторические», т. IV, СПб., 1842, № 31/I, стр. 68.

¹⁶ См. «Дополнения к Актам историческим», т. III, СПб., 1848, № 72, стр. 258—260.

¹⁷ См. док. № 57.

¹⁸ См. док. № 61. Как свидетельствуют маньчжурские и китайские источники, еще в 60-х годах XVII в. пределы «Богдойской земли», т. е. владений маньчжуров, находились далеко к югу от Амура в районе Центральной Маньчжурии и ограничивались линией так называемого Ивового палисада, строительство которого началось в 1678 г. Даже Нингута и Гири (Цзилинь), например, и прилегавшие к ним земли не входили в состав Цинской империи, а считались внешними территориями (см. Г. В. Мелихов, *К истории проникновения маньчжуров в бассейн Верхнего Амура в 80-х годах XVII в.*, — в сб. «Маньчжурское владычество в Китае», М., 1966, стр. 113—127).

¹⁹ См. док. № 61.

В Москве уже после получения отписок якутских воевод о действиях отряда Е. П. Хабарова все еще не связывали содержащуюся в них информацию о маньчжурах с Китаем. В августе 1652 г. в Посольском приказе расспрашивали калмыцких послов княгини Гунджи «про реку Амуру и про Даурскую землю, что по той реке Амуре, и про реку Нон и про Шемшекана-царя и про Алака Батура-кана царя», как далеки они от калмыцких кочевий и «к Китайскому государству те земли сколь близки?»²⁰. В этот период у русского правительства зарождается план отправления в Китай официального посольства, проезд которого через калмыцкие и монгольские улусы был гарантирован княгиней Гунджей²¹.

* * *

План организации официального посольства в столицу Цинской империи явился следствием общей активизации внешней политики Русского государства во второй половине XVII в. Оживленный интерес к восточным соседям диктовался для русского правительства потребностью расширить торговлю со странами Востока и открыть новые рынки для русских купцов. В 1651—1652 гг. из Москвы было отправлено очередное посольство в Индию — посольство Никитиных. Встал вопрос и об отправлении посольства в цинский Китай.

К этому времени путь от Тобольска до Сучжоу через территорию современной Монголии и Синьцзяна был хорошо освоен посредниками в русско-китайской торговле — бухарскими купцами. Когда же в 1652 г. бухарцы привезли китайские товары в Москву, то это послужило непосредственным поводом для организации посылки в Китай торгового каравана. Необходимость установления дипломатических отношений с Цинской империей привела русское правительство к мысли возложить эту задачу на главу формировавшегося каравана — Ф. И. Байкова, который и отправился из Тобольска 25 июня 1654 г. в качестве официального посла²².

Широко распространенное в исторической литературе мнение о том, что посылка Ф. И. Байкова была вызвана стремлением урегулировать столкновения на Амуре, как ни правдоподобно оно кажется на первый взгляд, не подтверждается фактическим материалом. В документах, освещающих организацию посольства, нет никаких указаний на связь этих событий²³. Несомненно, что если бы правительство царя Алексея Михайловича собиралось договариваться по поводу прав на владение землями по Амуру или хотя бы как-то связывало посылку Ф. И. Байкова с амурскими событиями, это не могло бы не отразиться в секретном наказе послу²⁴.

Для оценки торговой обстановки в Пекине и извещения о своем прибытии Ф. И. Байков предварительно организовал и отправил в Китай торговый караван во главе с гонцами Петром Ярыжкиным и Сеиткулом Аблиным²⁵. Последние побывали в Пекине, но на обратном пути разминулись с посольством Ф. И. Байкова.

Поднявшись вверх по Иртышу, Ф. И. Байков через монгольские улусы добрался до границ Цинской империи. Путь его занял почти два года, только 3 марта 1656 г. Ф. И. Байков и его спутники вступили

²⁰ Док. № 62.

²¹ См. там же.

²² См. Н. Ф. Демидова, В. С. Мясников, *Первые русские дипломаты в Китае («Роспись» И. Петлина и статейный список Ф. И. Байкова)*, М., 1965.

²³ См. док. № 70—73.

²⁴ См. док. № 71.

²⁵ См. док. № 68.

в Пекин. Они были размещены на посольском дворе в строгой изоляции²⁶.

В Пекине Ф. И. Байков встретился с огромными трудностями. Встал вопрос о посольском церемониале. Маньчжуры пытались рассматривать русское посольство как представителей государства, пославшего «дань» маньчжурскому императору. Кроме того, цинские дипломаты предприняли маневр, имевший целью выяснить отношение московского правительства к вторжению маньчжурского отряда, разгромленного Хабаровым, в русские пределы. При этом маньчжуры заявили о своих притязаниях на земли, о которых они не имели даже более или менее четкого географического представления. Они исходили лишь из концепции, гласившей, что все «варварские» племена опекаются сидящим на пекинском троне императором, а судьбы населяемых ими территорий решаются в Пекине. Цинские чиновники сразу же задали Ф. И. Байкову вопрос: как же «он, Федор, прислан от великого государя в послех, а з другую де сторону ево ж, китайского царя, земли великого государя люди воюют?». Русский посол не был готов к такому вопросу, он мог лишь ответить, что казаки «люди вольные». По-видимому, Байков имел в виду, что казаки действуют без санкции правительства. Но русскому послу ответили, что «китайский царь тому не верит, а говорит: великий де государь к нему, китайскому царю, прислал своего государева посла, а з другую де сторону посылает воевать ево китайские земли»²⁷.

Возникшие трудности могли бы быть преодолены в случае крайней заинтересованности цинских правителей Китая в установлении и развитии контактов с Россией. Но обмен посольствами и открытие торговли, предлагавшиеся русским послом, были мало привлекательными для маньчжуров-завоевателей, еще не утвердившихся окончательно в захваченной ими стране и опасавшихся, что иностранцы могут способствовать росту недовольства китайского народа маньчжурским владычеством²⁸.

4 сентября 1656 г. Ф. И. Байкову было предложено покинуть Пекин. Уже выехав из столицы Китая, русский посол попытался еще раз возобновить переговоры с цинским правительством. Чтобы избежать провала своей миссии, он пошел на все уступки в области церемониала, но ему было все же отказано в возвращении в Пекин²⁹.

Перенеся большие лишения, только в июле 1657 г. караван посольства Ф. И. Байкова достиг Тобольска.

Первое официальное русское посольство к цинскому двору окончилось неудачей, хотя сами по себе результаты путешествия русских из Тобольска в Пекин имели огромное значение для географической науки и вызвали заслуженный интерес во всей Европе. Посольством Ф. И. Байкова завершается второй этап преддоговорного периода связей Русского государства с Китаем — стадия накопления первоначальных сведений о Цинской империи. После И. Петлина в Китае побывали Е. Вершинин, П. Ярыжкин и Ф. Байков. В совокупности с монгольскими и сибирскими источниками информации материалы этих поездок дали московскому правительству необходимые сведения для реального подхода к своему дальневосточному соседу.

²⁶ См. док. № 74.

²⁷ Док. № 85.

²⁸ См. К. Маркс, *Революция в Китае и в Европе*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. IX, изд. 2, стр. 104.

²⁹ См. док. № 74.

Пока посольство Ф. И. Байкова пыталось наладить дипломатические отношения между царским правительством и пекинским двором, события на Амуре продолжали развиваться. В 1653 г. в Приамурье прибыл посланный из Москвы дворянин Дмитрий Зиновьев, окончательно санкционировавший вхождение в состав Русского государства новых земель раздачей щедрых наград казакам отряда Хабарова³⁰. Вместе с Зиновьевым Хабаров отправился в Москву, а главой казачьего отряда численностью примерно в 500 человек остался Онуфрий Степанов. Для закрепления своих позиций и успешной борьбы с маньчжурским влиянием в Приамурье русские власти начали планомерное строительство острогов, занимающих ключевые позиции в крае.

Однако в связи с отсутствием хлебных припасов отряд Степанова попал в трудное положение. Так как на Амуре хлеб добыть было негде, Степанов совершил летом 1654 г. поход вверх по Сунгари. Там он встретил ожесточенное сопротивление знаменных маньчжурских войск³¹. Казаки были вынуждены уйти ни с чем. Встревоженное цинское правительство отправило из Пекина Минаньдали «во главе солдат и офицеров идти походом против русских на Хэйлунцзян»³².

Русское правительство под впечатлением рассказов Е. П. Хабарова, прибывшего в Москву осенью 1654 г., решило создать в Приамурье воеводство, центром которого сделать острог Албазин или какой-либо другой, «где б не чаять приходу воинских богдойских людей»³³. Сколь туманны в то время были представления царских властей о местоположении Китая по отношению к их новым владениям видно из наказа первому даурскому воеводе А. Ф. Пашкову проведать «сколь далече от Богдойской земли до Никанского царства, и сухой ли путь степью, горами или водою, и коими реками; и про Китайское и про Индейское государства даурские и иные какие люди ведают ли, и сколь далече Китайское и Индейское государства от Даурския земли и от Богдойского, от Никанского государства»³⁴. Но не успел еще новый воевода добраться до места своего назначения, а борьба в Даурии разгорелась с новой силой.

Весной 1658 г. дутун Минаньдали осадил отряд Онуфрия Степанова в Усть-Кумарском остроге, однако, несмотря на численный перевес и превосходство в вооружении, маньчжуры не смогли овладеть острогом и вынуждены были отступить³⁵. Тогда цинские власти попытались угнать местные племена, населявшие Приамурье, во внутренние районы Маньчжурии³⁶. Это вызвало сопротивление местных племен, некоторые из них, как, например, род эвенкийского князя Гантимура, перекочевали из Маньчжурии под защиту русских острогов и приняли русское подданство³⁷. Летом 1658 г. маньчжурскому войску все же удалось уничтожить отряд Степанова близ устья Сунгари³⁸.

³⁰ См. ЛОА АН СССР, ф. Портфели Миллера, оп. 4, кн. 31, № 55, л. 89 об.

³¹ См. док. № 75.

³² «Дацин Шинзу чжан хуанди шилу» («Правдивые записи о правлении цинского императора Шинзу»), Токио, 1937, цзюань 87, стр. 18.

³³ «Наказ Афанасию Пашкову на воеводство в Даурской земле 1655 г.», СПб., 1894, стр. 1—17.

³⁴ Док. № 78.

³⁵ См. док. № 80.

³⁶ См. док. № 82.

³⁷ См. ЦГАДА, ф. Сибирский приказ, стлб. 508, т. 342.

³⁸ См. док. № 102.

Однако военные неудачи не могли помешать усилившейся в конце 50-х годов крестьянской колонизации Приамурья и развернувшемуся в связи с этим хозяйственному освоению края русскими. Главной задачей крестьянской колонизации было создание на месте продовольственной базы, борьба с голодом, решавшая зачастую успех в вооруженной борьбе с маньчжурами. Сельскохозяйственные орудия были доставлены на Амур еще Хабаровым и Зиновьевым, но постоянные военные столкновения мешали заниматься земледелием.

Наличие свободных земель в Даурии обусловило отдачу крестьянам-переселенцам значительных наделов при условии обработки установленной «государевой десятинной пашни». В Приамурье, где власть царской администрации еще не окрегла, русские чиновники фактически лишь фиксировали занятие участков переселенцами³⁹. Переселенцам, прибывшим на Амур, и ссыльным с разрешения властей выдавалась из казны «подмога»: сельскохозяйственный инвентарь, скот, деньги и при обложении феодальными повинностями предоставлялись льготы. Уже в 1655 г. в Даурию переселилось свыше 1500 крестьянских семей и с каждым годом число переселенцев увеличивалось⁴⁰.

Политика царского правительства по отношению к местному населению была более гибкой чем политика цинских властей. Заинтересованное в получении ясака, правительство запрещало обращать в холопство ясачное население. По этой же причине масштабы христианизации были также невелики.

* * *

Русское правительство было обеспокоено длительным отсутствием Ф. И. Байкова. Лишь в мае 1657 г. оно получило информацию, что русский посол задержан в Пекине в связи с походами казаков по Амуру⁴¹. Посольский приказ решил принять срочные меры для возвращения Байкова. С этой целью из Москвы собирались направить гонцов С. Аблина и И. Перфильева с грамотой к цинскому правительству. Не располагая точными сведениями о положении народов Приамурья и их отношении к цинскому государству, русское правительство пошло на некоторые уступки. Запись, сделанная в Посольском приказе, по поводу составления подготавливавшейся к отправке грамоты гласит: «Начав прежде посылкою Федора Байкова, и ныне ведомо царскому величеству учинилось, что Федор Байков у него задержан за то, что царского величества ратные люди ходили на подданных его на Даурскую землю. И те государевы ратные люди ходили на Даурскую землю по их задору, а того не ведали, что они подданные его, китайского царя, а впредь царское величество ратных своих людей на Даурскую землю посылать не велит, а укажет с ними жить в совете и в любви. И он бы Федора Байкова отпустил не задержав»⁴².

Непримиримая позиция цинского правительства в области дипломатического церемониала, по-видимому, также произвела впечатление в Посольском приказе; наказная память разрешала С. Аблину и И. Перфильеву «государеву грамоту и поминки отдать бугдыхана-царя ближним людям»⁴³.

³⁹ См. П. Т. Яковлева, *Первый русско-китайский договор 1689 г.*, М., 1958, стр. 51—53.

⁴⁰ Более подробно об успехах хозяйственного освоения русскими Приамурья см.: В. А. Александров, *Начало хозяйственного освоения русским населением Забайкалья и Приамурья (вторая половина XVII в.)*, — «История СССР», 1968, № 2, стр. 44—61.

⁴¹ См. док. № 85.

⁴² Док. № 93.

⁴³ Док. № 91.

Однако уступки царского правительства, отраженные в грамоте и наказной памяти, так и не были доведены до сведения маньчжурской стороны. В разгар подготовки поездки С. Аблина и И. Перфильева была получена отписка тобольского воеводы о возвращении Байкова. Это в корне изменило отношение царского правительства к миссии Аблина и И. Перфильева. Изготовленные грамоты и наказная память были заменены новыми, в которых речь уже не шла о компромиссах⁴⁴. Поменяли ролями и гонцов: главой был назначен тарский сын боярский Иван Перфильев, а его помощником Сеиткул Аблин.

В русских архивных документах не сохранилось сведений о приеме И. Перфильева и С. Аблина при Цинском дворе, но подробная запись об этом есть в цинской хронике «Цин шилу». По императорскому указу Либу (Министерство церемоний) устроило прием русским представителям, но они не были на аудиенции у императора из-за «непочтительности и зазнайства», т. е., очевидно, в связи с отказом И. Перфильева исполнить «коутоу»⁴⁵. Летом 1662 г. И. Перфильев «вышел из Китайского государства на Тару», откуда был направлен в Москву⁴⁶.

Успех торговых операций, производившихся в Пекине С. Аблиным во время его двух поездок в Китай, побудил царское правительство в 1666 г. вновь отправить большой торговый караван в столицу Цинской империи. Во главе его был назначен С. Аблин⁴⁷. Хотя Аблин направлялся в Китай только «для торгового промыслу», но во время его приема в Лифаньюане (Трибунал, управлявший внешними провинциями Цинской империи) цинские чиновники просили передать русскому правительству, чтобы оно вернуло эвенкийского князя Гантимура, бывшего ранее в подданстве у маньчжуров⁴⁸. С этого момента спор о Гантимуре в течение длительного времени возникал при русско-маньчжурских дипломатических переговорах.

Между тем события, развивавшиеся в Приамурье, привели к установлению дипломатических контактов непосредственно представителей сибирской администрации с цинским правительством. Как сообщает Вэй Юань в работе «Шэн уцзи», вступивший в 1662 г. на цинский престол император Шэнцзу (девиз годов правления Канси) был сильно обеспокоен тем, что русские «приближаются к оставленной столице (Мукдену в Маньчжурии)»⁴⁹, и начал активную подготовку к широкому наступлению цинских войск на Амуре. Маньчжуры осуществляли повсеместную разведку в районах русских поселений. Сосредоточив основные силы в устье Сунгари, цинские военачальники отправили отсюда отряд в низовье Амура. Русские власти в свою очередь усилили гарнизон Охотского острога⁵⁰.

Осенью 1669 г. монголы сообщили в Нерчинск, что «сила большая богдойская» пошла войной под нерчинские остроги. В этот период в трех нерчинских острогах служилых людей было всего 123 человека⁵¹. Общая малочисленность русских военных сил в Восточной Сибири и, особенно, в Даурии сильно осложняла борьбу против цинских войск, выступавших, как правило, многотысячными отрядами.

⁴⁴ См. док. № 96, 98, 116.

⁴⁵ См. «Дацин шицзу чжан хуанди шилу», изд. 135, стр. 2.

⁴⁶ См. док. № 106.

⁴⁷ См. док. № 116.

⁴⁸ См. док. № 143.

⁴⁹ Цит. по кн.: В. П. Васильев, *Примечания к первому выпуску китайской хрестоматии*, изд. 3-е, СПб., 1897, стр. 132.

⁵⁰ См. ЦГАДА, ф. Якутская приказная изба, оп. 1, д. № 174, лл. 118—120.

⁵¹ См. док. № 129.